

Они были в самом разгаре страсти, когда совсем рядом полыхнуло зарево.

Цзян Жао, пребывая в полном беспмятстве, не обратила на это никакого внимания. Она продолжала прижиматься к Мужун Цзюэ, но в следующую секунду её сознание окончательно погасло, и она обмякла в его руках.

Прежде чем толпа успела нагряться, Мужун Цзюэ, подхватив девушку, исчез.

Уйдя, наложница Шу немедленно отправилась к Мужун Лану. Услышав весть о том, что наложница Цзин уличена в прелюбодеянии, остальные наложницы, снедаемые злорадством, потянулись следом, по дороге не упуская случая полить грязью соперницу.

Однако, добравшись до места, они обнаружили, что Цзян Жао, которую ранее крепко связали и спрятали за искусственной горкой, и след простыл. Лишь тот самый мужчина, с которым всё было заранее подстроено, поспешно и воровато выбирался из своего укрытия.

Хэнъань, почуяв неладное, метнулся в сторону и скрылся. Мужун Лан проводил взглядом мелькнувшую тень, и уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке, полной коварства, которого никто не заметил.

Увидев «любовника», но не найдя наложницу Цзин, наложница Шу, которая только что с пеной у рта доказывала факт измены, оказалась в нелепом положении. Другие наложницы тут же набросились на неё с язвительными обвинениями в клевете: по сравнению с падением наложницы Шу, которая сейчас пользовалась наибольшим расположением императора, наблюдение за крахом Цзян Жао отошло на второй план.

Наложница Шу, рассудив, что Цзян Жао не могла уйти далеко, снова бросилась в погоню вместе с Мужун Ланом, но результат оказался тем же.

В одно мгновение она сама оказалась под прицелом, так и не сумев погубить врага.

Если Мужун Лан начнёт сомневаться, все её прежние усилия пойдут прахом. Не говоря уже о том, чтобы расправиться с Цзян Жао, заполучить Мужун Цзюэ или спровоцировать его на превращение в демона, чтобы завладеть первой нитью демонической энергии.

Наложница Шу тут же упала на колени, моля о прощении. Она уже была готова признаться, что ослеплённая ненавистью оклеветала соперницу, но прежде, чем она успела проронить хоть слово, Мужун Лан поднял её, глядя с необычайной нежностью:

— Шу-эр, не нужно брать на себя вину наложницы Цзин. Я верю твоим словам.

Наложница Шу замерла.

Остальные присутствующие недоумённо переглянулись.

Вскоре того мужчину, которого подставили для «измены», нашли мёртвым — он покончил с собой, не дожидаясь допроса, а Цзян Жао бросили в темницу.

Придя в себя в камере, Цзян Жао лишь молча смотрела перед собой.

Что вообще происходит? Что за абсурд?

Действие дурмана прошло, память вернулась, и при воспоминании о том, как она обнимала и целовала какого-то мужчину, ей захотелось провалиться сквозь землю.

Хуже всего было то, что объект её объятий до боли напоминал повзрослевшего Мужун Цзюэ. Это был какой-то сюрреалистичный кошмар.

Она беспомощно позвала Систему:

— Ты можешь объяснить, что это за ситуация?

Система: Хозяйка не выполнила задание по разоблачению измены наложницы Шу, но волею случая ускорила ход сюжета. Итого: начислено 40 баллов, текущий баланс — 40.

Цзян Жао опешила.

Проснулась — и баллы прибавились?

— То, что баллы прибавились — это хорошо, — ответила она, — но я вообще-то спрашиваю, почему я здесь оказалась.

Система в точности пересказала действия наложницы Шу и реакцию Мужун Лана.

Цзян Жао вздохнула.

Вот же змеи.

Как говорится, не пойман — не вор, а тут эти двое даже расследование проводить не стали, сразу вынесли приговор.

Цзян Жао рассказала Системе о подслушанном заговоре Хэнъяня и наложницы Шу, но та отметила это как «новый сюжетный поворот».

Она помнила, что в оригинале наложница Цзин действительно попала в тюрьму за свои злодеяния, но это было ближе к концу, в мире грёз. Сейчас же до этого было ещё очень далеко.

Неужели сюжет и вправду ускорился из-за того, что планы не поспевали за реальностью?

Если это так, значит, наложница Шу готовится к решительным действиям.

А Мужун Цзюэ...

— Нет, так не пойдёт, — Цзян Жао резко села. Она должна выбраться отсюда любой ценой.

С сорока баллами на счету она могла позволить себе купить несколько талисманов прохода сквозь землю.

Она сложила пальцы, прошептала заклинание, но ничего не произошло. Попробовала ещё раз — снова без толку.

— Ну конечно, — буркнула она, — сплошное мошенничество.

Система: Забыла предупредить: здесь наложен барьер, обычный талисман прохода сквозь

землю не сработает.

Цзян Жао, подавляя желание придушить кого-нибудь, спросила:

— А какой талисман нужен, чтобы выбраться?

Система: Хозяйке нужно доплатить 15 баллов, чтобы улучшить его до суперталисмана прохода сквозь землю.

Цзян Жао лишь стиснула зубы.

После «слёзного» апгрейда ей всё же удалось выбраться.

Оказавшись снаружи, она увидела настоящий ад: небо полыхало от пожаров, повсюду сверкали клинки, земля была устлана телами, реки крови текли по дворцовым плитам. Слуги в панике разбегались, грабили драгоценности и даже вступали в драки друг с другом. Изнеженные наложницы и принцы не могли тягаться с привыкшими к тяжёлому труду слугами: их сталкивали с лестниц, а один евнух даже пытался утащить принцессу.

Эту принцессу Цзян Жао видела раньше — это была Чухэ, дочь наложницы Лу, первая красавица государства Цифэн. Неудивительно, что евнух рискнул жизнью ради неё.

Правда, принцесса была явно не в восторге, отбивалась и даже получила пощечину.

Мерзость.

Цзян Жао подбежала, на ходу активировала талисман и перенесла евнуха в другое место.

Увидев, как человек исчез прямо на глазах, Чухэ в ужасе закричала и, не заметив Цзян Жао, бросилась в толпу.

Цзян Жао не стала задерживаться и побежала во Дворец Юнпин.

Вернувшись, она увидела, что и там все собирают пожитки. Поскольку Цзян Жао когда-то выиграла партию золота, а слуги во дворце Юнпин привыкли держаться вместе, чтобы выживать под гнётом прежней хозяйки, они не стали мародёрствовать и всё разделили поровну.

Увидев вернувшуюся Цзян Жао, они инстинктивно упали на колени, но, вспомнив, что сейчас творится, осмелели. Большинство просто обошли её, спасаясь бегством, а некоторые, затаившие обиду, даже швырнули в неё камнем. Цзян Жао охнула от боли в спине.

Хань Юй, выбегавшая с узлом в руках, увидела, как госпожа пошатнулась от удара, и сердце её сжалось.

Она подбежала, подхватила Цзян Жао под руку, и с тревогой в голосе прошептала:

— Госпожа, вы вернулись! Люди Наньманя уже у ворот, умоляю, бежимте скорее!

Цзян Жао была тронута, но спросила лишь о том, где Мужун Цзюэ.

Хань Юй нахмурилась:

— Не знаю, госпожа. С самого вчерашнего дня я его не видела, должно быть, он уже сбежал, спасая свою жизнь. Госпожа, не медлите, иначе будет поздно!

Цзян Жао слабо улыбнулась, отстранила руку Хань Юй и достала из-за пазухи припрятанные ценности, вложив их в руки служанки:

— Хань Юй, спасибо тебе. Но у меня остались дела. Беги.

Хань Юй хотела отказаться, на глазах выступили слёзы, но Цзян Жао решительно подтолкнула её:

— Иди же! Спасайся! И живи долго после того, как покинешь дворец.

Больше не встречай таких хозяев, как прежняя владелица этого тела — пусть она и не была тираном, но жизнь с ней была как хождение по тонкому льду.

Хань Юй, разрываясь от боли, всё же решилась. Сделав несколько шагов, она обернулась, надеясь, что госпожа передумала, но та лишь протянула ей жёлтый талисман.

Цзян Жао вложила его в ладонь девушки, научила, как активировать, и легонько похлопала по плечу:

— Береги себя. Мой друг.

Хань Юй, сжимая талисман, прошептала срывающимся голосом:

— Госпожа... ведь вы теперь совсем другой человек, правда?

Цзян Жао не удивилась. Если уж Хань Юй заметила, что внутри этой оболочки теперь другая душа, значит, её актёрская игра была не так уж плоха.

Они обменялись взглядами и разошлись в разные стороны.

Попрощавшись с Хань Юй, Цзян Жао ещё раз обыскала Дворец Юнпин, но Мужун Цзюэ нигде не было. Она предположила, что он тоже бежал в общей толпе.

В оригинале он действительно сбежал во время переворота и отправился на гору Сюаньцзи. Но тогда ему было четырнадцать, а не столько, сколько сейчас.

Даже если сюжет ускорился, не до такой же степени!

С последней надеждой она направилась в центр событий — во Дворец Чэнцян.

Это были покои Мужун Лана, сердце дворца и место самого яростного пожара. Цзян Жао потратила остатки баллов на талисман невидимости и проскользнула внутрь.

Там творился хаос. Армия Цифэн была почти разбита, они едва сдерживали натиск варваров.

Цзян Жао увидела Хэнъяня, облачённого в одежды воинов Наньманя. Он был в самой гуще битвы, рубил врагов, не зная жалости. Его глаза пылали красным, и в этом взгляде Цзян Жао словно увидела тот самый Наньмань много лет назад.

В ту же ночь, когда полыхало небо, пал дворец Наньманя, а его семья погибла от рук воинов

Цифэн. Хотя его спас наставник, семена ненависти проросли в его детском сердце и сегодня дали свои кровавые плоды.

Каждый его удар был данью памяти погибшему народу.

Цзян Жао хотела лишь одного — узнать, что происходит внутри дворца.

Если Наньмань начал действовать сейчас, значит ли это, что Мужун Цзюэ уже стал демоном и они получили ту самую первую нить демонической энергии?

Воспользовавшись невидимостью, она прокралась в зал. Наложница Шу играла на пипе «Мелодию Разрывающую Душу». Инструмент был тот же, мелодия — та же, но вокруг неё клубился чёрный туман, а лицо постепенно чернело.

Мужун Лан, восседая на троне, подпирал голову рукой, наслаждаясь музыкой, но в его глазах читались лишь насмешка и презрение.

Цзян Жао не понимала, что происходит.

Когда мелодия стихла, Мужун Лан не проявил никакой реакции. Напротив, у наложницы Шу лопнула струна на пипе, она не справилась с демонической энергией и выплюнула густую чёрную кровь.

Мужун Лан хлопнул в ладоши:

— Шу-эр, твоя игра восхитительна. Но чтобы подчинить человека, этого мало.

Наложница Шу, не веря своим ушам, качала головой. Но когда из-за спины Мужун Лана вышла женщина, она всё поняла. Гнев ударил ей в голову, она указала на незнакомку:

— Ты обманула меня! Ты посмела меня обмануть!

Женщина презрительно усмехнулась:

— А почему бы и нет? Ты сама слишком глупа и одержима местью, раз поверила, что какой-то жалкий мотивчик сможет околдовать императора. Ха-ха-ха, как наивно.

Цзян Жао посмотрела в сторону голоса, и её зрачки сузились.

Женщина была облачена в алое платье, её причёска была украшена роскошными драгоценностями, а макияж — яркий и вызывающий. Она стояла на возвышении, излучая невероятную, ослепительную красоту.

Это была Чу Мэн.

<http://bllate.org/book/22260/2329797>